

Комментарий

НОВОСТИ / АНАЛИТИКА. «История России – это история страны, которая колонизируется». Это высказывание, впервые произнесенное историком Сергеем Соловьевым в 1840-х годах, получило широкую известность благодаря труду по истории России под авторством Василия Ключевского, опубликованному в 1911 году и до сих пор пользующемуся популярностью.

Это один из самых известных афоризмов, касающихся российской истории. Тем не менее, любой историк, занимающийся Российской империей, знает, что упоминание «российского колониализма» является гарантированным способом навлечь на себя неудовольствие российских коллег. За редким исключением, в ответ вам изумленно, или даже оскорбленно, скажут: «Колониализм? Какой колониализм? У России никогда не было колоний».

Я слышал один и тот же ответ, и одни и те же аргументы, от Оренбурга до Оксфорда, и за последние 15 лет, что я занимаюсь исследованием данного вопроса, мало что изменилось. Темой моего исследования является сравнение российского господства в Центральной Азии с британским владычеством в Индии в XIX веке. И я до сих пор помню реакцию известного российского индолога в Москве, когда я неуверенно поделился с ней своими мыслями по этому поводу.

«Их нельзя сравнивать. Индия была колонией Британии, и индийцы считались более низкой расой. Русские никогда так не относились к центральноазиатам», – сказала она мне. Затем она упомянула Ивана Минаева, известного российского ученого XIX века, занимавшегося изучением буддизма, который в своих дневниках поведал, в какой ужас его привело отношение британцев к индийцам. Интересно, что сказал бы Минаев о современной Москве, где центральноазиатских трудовых мигрантов обычно называют «черножопыми».

В Великобритании и Франции, а также прочих европейских государствах, являвшихся крупными колониальными державами XIX и XX веков, многие публичные фигуры (и несколько более узкий круг профессиональных историков) склонны вставать на защиту имперского прошлого своих стран, забывая о творившихся в те времена зверствах вроде Амритсарской бойни, подавления восстания мау-мау и Алжирской войны.

Но даже эти защитники не отрицают колониальной сущности этих империй, в том смысле, что они включали в свой состав территории, жители которых обладали более низким политическим статусом, были подчинены метрополии и обычно подвергались культурной, расовой и религиозной дискриминации. Вместо этого данные апологеты европейского колониализма утверждают, что подобное положение вещей шло на пользу и колониям.

Только в случае с Россией вы столкнетесь с аллергической реакцией на само слово «колониальный», и подобное отношение все больше культивируется государством. В опубликованной недавно статье министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова об истории российской внешней политики нет ни слова об азиатских завоеваниях России. В октябре 2016 года Совет безопасности РФ призвал создать специальный центр, задачей которого будет формулирование одобренных версий российской истории с целью борьбы с «фальсификациями» со стороны Запада и бывших советских республик. Одной из сфер, нуждающейся в защите от фальсификаторов, является «спекуляции по колониальному вопросу».

Чем это объясняется? До 1917 года и падения династии Романовых такой чувствительности не наблюдалось. Россия была членом базировавшегося в Брюсселе Международного колониального института, где европейские империи обменивались идеями по поводу наиболее эффективных методов укрепления своего господства и развития колоний. На протяжении последних трех десятилетий существования царистского режима все большие масштабы принимало так называемое «колониальное движение», в рамках которого русские и украинские крестьяне перебирались в Центральную Азию, где им предоставляли отобранные у местных

жителей, особенно казахов и кыргызов, земли. Данный процесс развивался под руководством государственной структуры, Переселенческого управления, внутреннее издание которого прямо называлось «Вопросы колонизации».

Туркестанское генерал губернаторство, в которое входили территории, ныне принадлежащие Таджикистану, Туркменистану, Узбекистану, Кыргызстану и Казахстану, часто называлось «нашей колонией» чиновниками, старавшимися добиться более масштабной эксплуатации ресурсов данного региона на благо империи. Да, Россия была, в основном, сухопутной державой и не создавала отдельные колониальные территориальные образования как британцы и французы, поэтому было гораздо сложнее определить, где заканчивается коренная Россия и начинаются «азиатские» или «колониальные» регионы, но, тем не менее, существовали явные признаки обособленности и более низкого положения некоторых регионов и их обитателей.

Важно помнить, что Центральную Азию и Кавказ завоевывали огнем и мечом, а не «мирно ассимилировали». Самым ярким примером является резня при взятии Геок-Тепе в 1881 году, когда было убито 14 тыс туркмен. К тому же, мусульманское население Туркестана, Большой степи и Кавказа считалось инородцами, а не подданными империи. Они жили под военным режимом и по законам военного времени, и не имели даже тех ограниченных прав, что были предоставлены жителям европейской части России в рамках Великих реформ 1860-х годов, включая земское самоуправление, независимые суды и право голосовать за кандидатов в Думу после 1906 года.

Жизнь вне рамок зарождавшихся институтов российского гражданства имела и свои преимущества, включая отсутствие необходимости нести военную повинность. Но все равно она была признаком более низкого статуса. Это неравенство очень ярко проявилось в земельном вопросе, когда оказалось, что казахи и кыргызы имели меньше прав на землю, которую они обрабатывали и на которой пасли свой скот, чем приезжие переселенцы из европейской части России. Эти два фактора – отсутствие интеграции в структуры империи и передача земель русским переселенцам – в значительной мере объясняют причины восстания 1916 года в Центральной Азии, которое было подавлено с не меньшей жестокостью, чем схожие восстания во французских и британских колониях.

До революции 1917 года некоторые российские чиновники, солдаты и интеллектуалы утверждали, что их империя предлагает модель империализма, отличающуюся от британской и французской – более ассимиляционную и менее расистскую. «Мы не англичане, которые стараются в Индии отнюдь не смешиваться с туземною расою. ... Наша сила, напротив, в том и состояла досель, что мы ассимилировали покоренные народы, дружелюбно сливаясь с ними», – написал военный географ Михаил Венюков в 1877 году.

Очень богатый и не менее эксцентричный князь Эспер Ухтомский, наставник царя Николая II, владелец нескольких газет и идеолог российской экспансии на Дальний Восток, пошел еще дальше, написав, что «Россия на Востоке ничего не завоевывает, так как весь этот втягивающийся в нас инородческий люд – нам брат по крови, по традициям, по взглядам. Мы только теснее скрепляемся и роднимся с тем, что всегда было наше».

Это указывает на то, как использовались подобные идеи родства в частности для подведения основы под российское владычество и экспансию. В любом случае, эти люди были в меньшинстве. Открытый биологический расизм в России, несомненно, был менее широко распространен, чем в Британской и Французской империях, но для большинства русских разница между их европейской культурой и христианством с одной стороны, и культурой их азиатских мусульманских подданных с другой, была не менее явной.

После 1917 года интеллектуальными наследниками мыслителей-азианистов вроде Ухтомского стали евразийцы под началом Николая Трубецкого и Георгия Вернадского, разработавших тезис о Евразии, носивший ярко антиколониальный характер, но, тем не менее, настаивавший на органической общности территорий империи и оправдывавший российское господство. Подобный евразийизм и по сей день явно продолжает служить этой цели в учениях Александра Дугина.

Большевики наиболее искренне приняли идею антиколониализма, и чтобы понять, почему многие россияне так сопротивляются идее о том, что их империя носила колониальный характер, нам следует взглянуть именно на советский период. Хотя первое поколение советских историков в 1920-1930 годах осуждало царистское владычество над нерусскими как угнетательский и эксплуататорский колониализм, как «абсолютное зло», при Сталине стало обязательным называть его «меньшим из зол» по сравнению с «феодальными» режимами, который он заменил, а также с альтернативой британского колониализма. Советским историкам полагалось подчеркивать позитивную роль, которую сыграл русский «старший брат» в продвижении «отсталых народов» империи (включая центральноазиатов, кавказцев и коренные народы Сибири) к политическому сознанию и цивилизации.

Хотя слово «колониализм» так и не исчезло из советского лексикона, применявшегося в отношении царистского господства, оно чаще употреблялось в контексте «буржуазных» империй – в первую очередь, британской и французской – и всегда носило крайне негативный характер. С советской точки зрения, не было и не могло быть позитивных форм империализма и колониализма, и использование этого термина западными историками и политиками воспринималось (обычно оправданно) в качестве преднамеренного оскорбления.

Советский режим во многом очень отличался от царистского. В Советском Союзе все были одинаково гражданами, и хотя эти номинальные права, возможно, не были наполнены реальным смыслом, они были одинаково бессмысленными для всех, как русских, так представителей других национальностей. При СССР проводилась политика коренизации в нерусских регионах, в рамках которой создавались новые нации с собственными территориями, официально одобренными версиями истории и национальной идентичностью. Неспроста один историк назвал это «империей позитивных мер», направленных на расширение прав представителей коренного населения. Основной, и очень амбициозной, целью было развитие и модернизация общества и личности, и, в конечном итоге, создание нового «советского народа». Ничего подобного при царистском режиме даже не рассматривалось.

Тем не менее, русские в СССР были доминирующей национальностью, и стать «советским» означало выучить русский язык и принять русские культурные нормы. Культурный колониализм стал реальностью жизни, и это очень раздражало многих представителей других национальностей. Идея «дружбы народов» была благородной и, несомненно, более привлекательной, чем уродливый этнический национализм, который можно наблюдать сейчас в России и ряде других республик бывшего СССР, но эта идея помогала скрыть гораздо более неприглядную и неравноправную реальность.

Что иронично, именно массовая миграция представителей центральноазиатских республик в российские города – миграция в гораздо больших масштабах, чем при СССР – проявила латентные расистские взгляды части российского общества. То же самое произошло во Франции и Великобритании в 1950-1960 годы на фоне наплыва мигрантов из Северной Африки, Южной Азии и с Карибских островов.

Поэтому нелюбовь россиян к слову «колониализм» частично объясняется тем, что в русском языке оно носит сугубо негативный, оскорбительный характер. С тех пор, как оно употреблялось нейтральным образом для описания российского господства над другими народами, прошло почти сто лет. Также в данном вопросе присутствует геополитический аспект: попыткам России восстановить контроль над «ближним зарубежьем» и учреждению маленьких зависимых территорий вроде Абхазии и Приднестровья мешают обвинения в том, что подобное отношение является колониальным, а не братским.

Неравенство и иерархичность, ассоциирующиеся с «колониализмом», существовали и продолжают существовать в отношениях России с нерусскими народами бывшей империи, но это постоянно отрицается. На этом фоне процветает открытый расизм в отношении центральноазиатских и кавказских мигрантов, несмотря на протесты и усилия небольшой, но храброй и отказывающейся молчать части российского общества.

Во фразе Ключевского о России, «которая колонизируется», слово «колонизируется» используется в возвратной форме, подразумевающей, что все эти земли есть и всегда были российскими, и что ни у кого другого никогда не было на них прав. Это схоже с американской доктриной «предначертанной судьбы», также использовавшейся для оправдания агрессивной колонизации переселенцами. Стоит отметить, что идея о колониальной исключительности России не уникальна. Китайцы также отрицают колониальный характер своего господства над Тибетом и Синцзянем, а большинство американцев предпочитают считать себя потомками восставших против колониального господства Британской империи, забывая при этом об американском господстве на Филиппинах, Кубе, Пуэрто-Рико и прочих территориях.

Разница в том, что в США и других западных демократических государствах отрицающие или защищающие колониализм лица сталкиваются с постоянным и мощным сопротивлением. В России же отрицающие или защищающие колониализм пользуются поддержкой государства, а сопротивляющиеся им люди в явном и переживающем трудные времена меньшинстве.

Александр Моррисон является преподавателем истории в Назарбаев Университете в Астане. Также он является автором труда «Российское господство в Самарканде в 1868-1910 гг. Сравнение с Британской Индией» (Оксфорд, 2008 г.). Сейчас он работает над исторической книгой о российском завоевании Центральной Азии. С веб-страницей Моррисона можно ознакомиться здесь: <https://nu-kz.academia.edu/AlexanderMorrison>. Выказанные в данном комментарии мнения являются личными взглядами Моррисона и могут не совпадать с позицией Назарбаев Университета или EurasiaNet.org.